

Аниса Август

Нити судьбы

Аниса Август

Нити судьбы

«Автор»

2026

Август А.

Нити судьбы / А. Август — «Автор», 2026

Отец потерял дочь в младенчестве — и спустя время в его доме появилась девочка, которую ему выдали за родную наследницу. Он растил самозванку, искренне веря, что это его дочь. А настоящая наследница, ничего не зная о своём происхождении, волей судьбы попала в услужение к собственной бабушке.

© Август А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Аниса Август

Нити судьбы

Глава 1

Мороз сковывал лес так, что даже тишина казалась твёрдой, будто её можно было расколоть ударом топора. Зимняя дорога, припорошённая свежим снегом, петляла между стволами вековых елей, и по ней, взметая снежные вихри, мчались сани. Полозья врезались в затвердевший наст, издавая сухой, трескучий звук, похожий на ломающиеся кости льда. Воздух был настолько колючим, что каждый вдох обжигал лёгкие, а пар от дыхания застывал в воздухе, превращаясь в крошечные кристаллы.

Лошади неслись что есть мочи. Их бока тяжело вздымались, из ноздрей валил густой пар, смешиваясь с морозным туманом. Гривы, покрытые инеем, топорщились, словно застывшие волны, а мышцы перекачивались под кожей в отчаянном усилии. Они чувствовали запах опасности — тот самый, что крался следом, сливаясь с темнотой леса.

Ямщик, закутанный в тяжёлый тулуп, низко наклонился вперёд, вцепившись в вожжи так, что побелели костяшки пальцев. Его лицо, обветренное и жёсткое, было искажено напряжением. Он то и дело выкрикивал короткие, резкие слова, подгоняя лошадей, щёлкал кнутом — не столько чтобы причинить боль, сколько чтобы поддержать в животных тот бешеный ритм, который сейчас был их единственным шансом. меховая шапка сползла набок, открывая покрасневшие от ветра уши, но он не замечал холода — всё его внимание было приковано к дороге и к тому, что оставалось позади.

А позади, среди чёрных стволов деревьев, мелькали серые тени. Стая голодных волков преследовала сани. Их глаза светились в темноте, как угли, вспыхивающие в пепле. Они не были — пока не были. Это было страшнее всякого воя: молчаливое, расчётливое преследование. Волки бежали ровно, экономя силы, зная, что добыча не сможет мчаться вечно. Расстояние между ними и санями медленно, но верно сокращалось.

В самих санях сидели трое. Богато одетый молодой мужчина — на нём была соболиная шуба, расшитая серебряной нитью, а поверх неё накинут тяжёлый меховой плащ. Рядом с ним, вжавшись в угол и прижимая к груди младенца, сидела женщина-кормилица. Её лицо было бледным, почти серым от ужаса, а пальцы судорожно сжимали одеяльце ребёнка. Младенец, укутанный в несколько слоёв тёплой ткани, тихо всхлипывал, будто чувствуя напряжение взрослых.

Все ощущали дыхание неминуемой гибели за спиной. Это чувство было почти осязаемым — оно висело в воздухе, смешиваясь с запахом снега и лошадиного пота. Каждый понимал: если лошади устанут, если дорога станет непроходимой, если полозья застрянут в сугробе — тогда тишина леса наполнится совсем другим звуком: торжествующим воем стаи.

Дорога пошла под уклон, и сани рванулись вперёд ещё быстрее. Лошади, почувствовав уклон, на мгновение прибавили ходу, но тут же споткнулись о скрытый под снегом корень. Сани накренились, заскрежетали полозья, и кормилица вцепилась в борт, чтобы не вылететь. Младенец громко заплакал, и этот звук, резкий и пронзительный, словно подстегнул волков. Один из них, самый крупный, вырвался вперёд и метнулся к задним полозьям, щёлкнув зубами в опасной близости от деревянного борта.

Молодой мужчина резко выпрямился, его лицо исказилось решимостью.

— Гони! — рявкнул он ямщику, голос его прозвучал твёрдо, почти холодно, будто он уже принял какое-то страшное решение. — Гони что есть сил! Нам нужна фора!

Ямщик кивнул, не оборачиваясь, и снова щёлкнул кнутом. Лошади рванули вперёд, снег брызнул фонтаном, и на мгновение показалось, что волки потеряли след в вихре снежинок. Но уже через несколько секунд серые тени снова появились — теперь они шли параллельно дороге, выжидая удобный момент для броска.

Волки подбирались всё ближе. Ещё один хищник метнулся вперёд, прыгнув в сторону саней. Его когти царапнули деревянную обшивку, и кормилица закричала, закрывая младенца собой. Молодой мужчина выхватил из-за пояса револьвер, прицелился и выстрелил. Грохот выстрела разорвал морозную тишину, эхом прокатившись по лесу. Волк отпрянул, скуля, и стоя на мгновение замерла, но лишь на мгновение — голод был сильнее страха.

— Стой! — рявкнул молодой мужчина, когда впереди показалось огромное, вековое дерево с раскидистыми ветвями. — Стой, живо!

Ямщик дёрнул вожжи, сани занесло на скользкой дороге, они резко остановились, подняв облако снега. Молодой мужчина не стал ждать, пока всё утихнет. Он выскочил из саней, схватил младенца вместе с одеяльцем и побежал к дереву. Его движения были резкими, почти механическими, будто он отключил все чувства, оставив только холодную решимость. Добежав до ствола, он закутал младенца в свою шубу — ту самую, соболиную, расшитую серебром, — и, цепляясь за выступающие корни и сучья, начал подниматься. Он привязывал ребёнка к толстой ветке как можно выше, используя ремни от своей одежды, затягивая узлы так крепко, как только мог.

Кормилица, увидев это, закричала:

— Нет! Не оставляйте её! Мы должны быть вместе!

Но молодой мужчина уже спускался вниз, его лицо было каменным, лишённым всяких эмоций.

— Так у неё будет шанс, — коротко бросил он, не глядя на неё, и бросился обратно к саням.

Когда он вернулся, волки уже окружили повозку плотным кольцом. Их глаза горели в темноте, а зубы щёлкали в опасной близости. Молодой мужчина сделал ещё два выстрела, и стоя отпрянула, но не отступила — они лишь отступили на несколько шагов, выжидая. Он запрыгнул в сани, схватил вожжи из рук оцепеневшего ямщика и рявкнул:

— Вперёд! Что есть сил!

Лошади рванули с места, сани снова помчались по заснеженной дороге, оставляя за собой вихрь снега и крики кормилицы. Но все в повозке понимали: уйти от погони не получится. Стоя снова взяла след, и теперь их бег был не спасением, а лишь отсрочкой неизбежного.

Лес становился гуще, ветви елей нависали над дорогой, царапая воздух своими чёрными лапами. Тени сливались в сплошную стену, и только лунный свет, пробиваясь сквозь редкие просветы, выхватывал из темноты то сверкающий бок лошади, то снежную пыль, взлетающую из-под полозьев, то очередной серый силуэт, мелькающий среди деревьев.

Молодой мужчина сидел прямо, сжимая револьвер с оставшимися патронами так крепко, что пальцы побелели. Его взгляд был устремлён вперёд, но в глубине глаз читалось горькое понимание: он сделал всё, что мог. Теперь оставалось лишь надеяться, что его жертва не будет напрасной, и что где-то высоко, среди ветвей старого дерева, младенец, укутанный в соболиную шубу, останется в безопасности.

Глава 2

Снег лежал повсюду — на ветвях, на пнях, на поваленных стволах, — будто лес накрыли тяжёлым белым покрывалом, глушившим все звуки. После метели тишина стояла такая звенящая, что даже собственное дыхание казалось Аким слишком громким, нарушающим древний покой заснеженного царства. Следы зверей занесло, и охотник уже несколько часов бродил по лесу, надеясь хоть на зайца, хоть на глухаря, но удача отвернулась от него. Руки в грубых рукавицах ныли от холода, ноги вязли в сугробах, а в груди разрасталась привычная, но оттого не менее горькая усталость.

Аким остановился, оперся на посох и тяжело выдохнул. Пар взвился перед лицом и тут же растаял в ледяном воздухе. Он огляделся: деревья стояли неподвижно, словно стражи, укутанные в снежные плащи; небо было серым, низким, будто давило на плечи. Пора было возвращаться. Добычи не будет. Он уже развернулся, чтобы пойти по своим же следам обратно, как вдруг тишину прорезал звук, от которого у него похолодело внутри. Это был детский плач — тонкий, дрожащий, едва слышный сквозь снежный покров. Аким замер, вглядываясь в белизну, и прислушался. Сердце забилося чаще, но он тут же осадил себя: не может быть. Откуда в диком лесу взяться младенцу? Скорее всего, это ветер воет в расщелинах старых елей, или белка царапнула кору, или... или ему просто померещилось от усталости и холода.

Но крик повторился — на этот раз чуть громче, пронзительнее, полный отчаяния и холода. Аким вздрогнул. Это не ветер. Не зверь. Это точно был человеческий голос — голос ребёнка.

«Леший куражится», — пронеслось у него в голове, и по спине пробежал неприятный холодок. Старики в деревне шептались, что лесной хозяин иногда морочит охотников, заманивает в глушь, сбивает с тропы. Может, и сейчас это какая-то хитрая уловка, чтобы заставить его бродить по лесу до темноты, пока силы совсем не иссякнут. Но крик прозвучал снова — и в нём было столько беспомощности, столько настоящего страдания, что суеверный страх отступил перед чем-то более сильным: перед состраданием.

Аким двинулся на звук, осторожно ступая, раздвигая тяжёлые, опущенные книзу ветви. Снег осыпался с них белыми хлопьями, падая Акиму за воротник, но он не замечал холода. Он шёл всё дальше, прислушиваясь, стараясь не потерять направление. И вдруг среди белизны мелькнуло что-то тёмное, неестественно выделявшееся на фоне снега.

Подойдя ближе, он увидел высокое дерево — старый, могучий кедр с толстым стволом и крепкими ветвями. К одной из них, на высоте человеческого роста, был привязан свёрток. Аким подошёл вплотную, поднял голову и замер. Это была меховая шуба, туго скрученная и закреплённая поясом так, чтобы не упасть. И из этого свёртка доносился слабый, но отчётливый плач.

Сердце Акима сжалось. Он не верил своим глазам. Кто мог оставить ребёнка здесь, в глухом лесу, посреди зимы? Это было не просто жестоко — это было бессмысленно, чудовищно. Но раздумывать было некогда: малыш явно замёрз, его дыхание было прерывистым, а крик — всё слабее.

Аким торопливо принялся распутывать узлы. Кожа пояса задубела на морозе, пальцы в рукавицах плохо слушались, и он, не выдержав, стянул их, чувствуя, как ледяной воздух обжигает кожу. Пальцы быстро покраснели, но он не обращал внимания — он развязывал узел за узлом, пока свёрток не освободился и не повис, удерживаемый только его руками.

Осторожно, боясь навредить, Аким снял ребёнка с дерева и прижал к себе. Малыш был почти неподвижен, лишь слабо всхлипывал, и от этого звука у охотника сжалось сердце. Он развернул шубу — под ней оказался младенец, завернутый в несколько слоёв ткани, но и этого было недостаточно: ребёнок дрожал, его кожа была ледяной.

Аким тут же закутал его обратно, прижимая к груди, пытаясь согреть собственным теплом. Он понимал: искать родителей или ждать, что за малышом кто-то придёт, не было никакой возможности. Лес не прощает промедления. Если оставить его здесь хоть на час, он не выживет. Да и кто вообще мог бросить младенца в лесу? Те, кто это сделал, вряд ли вернуться.

Не раздумывая больше, Аким надел рукавицы, бережно устроил ребёнка у себя на груди, прикрыв его полой тулупа, и решительно зашагал в сторону деревни. Каждый шаг давался тяжело — сугробы были глубокими, а усталость давала о себе знать, но теперь у него была цель, ради которой стоило терпеть. Он должен был успеть. Должен был донести малыша до тепла, до света, до дома.

Тишина леса снова сомкнулась вокруг него, но теперь она не казалась злобещей. Она стала фоном для тихого, едва слышного дыхания ребёнка, который доверчиво прижался к его груди, и для тяжёлого, но уверенного шага охотника, решившего стать для него спасением.

В небольшой, укутанной снегом деревне, стоявшей в стороне от больших дорог, в самой крепкой избе, на широкой лавке метался в бреду молодой господин. Его нашли местные жители ещё на закате — еле живого, израненного, с застывшими на одежде пятнами крови. Рядом, в сугробе, лежали тела ямщика и кормилицы: они не пережили ни погони, ни лютого холода.

Сначала мужчину просто отогрели, растерли, напоили горячим отваром, но стоило ему прийти в себя хоть на миг, как он начинал бормотать, а потом и выкрикивать одно и то же: про сани, про волков, про то, как он привязал младенца высоко к дереву — к старому кедру, чтобы спасти хоть его. Слова его путались, перескакивали с одного на другое, голос то срывался на хрип, то становился пронзительным, будто он пытался прокричать сквозь туман боли то, что было важнее всего.

Старики, собравшиеся в избе, переглядывались, качали головами. Кто-то шептал, что это бред воспалённого сознания — человек потерял слишком много крови, его мучит жар, вот и мерещится всякое. Другие, те, кто покрепче духом и помягче сердцем, слушали внимательно, не перебивая, и в их взглядах мелькала тревога: а вдруг это правда? Вдруг где-то там, в глуши, действительно остался ребёнок, привязанный к дереву, и сейчас он один на один с холодом и лесом?

Староста, суровый мужчина с седой бородой, долго молчал, постукивая пальцами по столу, пока за окнами сгущалась темнота. Потом тяжело поднялся, подошёл к больному, наклонился и тихо, но твёрдо спросил:

— Скажи толком: где это дерево? Какой приметный знак? Далеко ли от дороги?

Молодой господин приоткрыл глаза, взгляд его был мутным, но в нём мелькнуло узнавание. Он сжал край одеяла, будто цеплялся за реальность, и прохрипел:

— Кедр... огромный... с раздвоенным стволом... будто две спины рядом... я шёл от дороги шагов двести... может, больше... там ещё поваленная сосна лежала поперёк тропы... я её обошёл...

Он снова обмяк, голова откинулась на подушку, и по лицу пробежала судорога — жар снова накрывал его волной. Староста кивнул, будто принял решение, и повернулся к трём молодым парням, стоявшим у двери.

— Собирайтесь. Возьмите факелы, верёвки, топоры. Если там и правда ребёнок, его надо снять и принести сюда. Если нет — вернётесь и скажете, что леса пусты. Но сидеть сложа руки нельзя.

Парни молча накинули тулупы, подпоясались, проверили, крепко ли держатся ножи в ножнах. Один из них, самый младший, тихо спросил:

— А если это только бред? Если он ничего не привязывал, а просто мерещится ему?

Староста посмотрел на него строго, но без злобы:

— Если бред — вернётесь ни с чем. Но если хоть капля правды в его словах, и мы не пойдём — это будет на нашей совести. А с такой ношей жить тяжелее, чем с любым лесом.

И они вышли. Дверь хлопнула, отрезав тёплый свет избы от холодной тьмы, и трое смельчаков двинулись по дороге, туда, откуда привезли израненного господина. Факелы вспыхнули оранжевыми языками, разгоняя темноту, и их отсветы плясали на снежных сугробах, будто пытались выхватить из мрака хоть какую-то подсказку.

Путь был неблизким, а дорога после метели стала коварной: снег скрывал ямы, корни, поваленные деревья. Парни шли осторожно, прислушиваясь к каждому звуку, вглядываясь в очертания деревьев. Они искали тот самый кедр с раздвоенным стволом, искали поваленную сосну, о которой говорил больной. Но лес будто играл с ними: все деревья казались похожими, все сугробы — одинаково глубокими, а тишина была такой плотной, что даже треск ветки под сапогом отдавался в ушах, как гром.

Они дошли до места, которое, по их расчётам, могло быть тем самым: здесь дорога делала поворот, здесь лежал толстый ствол сосны, наполовину занесённый снегом. Рядом возвышался крупный кедр, но его ствол не был раздвоен — он рос ровно, гордо, словно сторож этого уголка леса. Парни обошли его кругом, посветили факелами вверх, в густую крону, но не увидели ни верёвок, ни свёртка, ни чего-либо, что могло бы напоминать оставленный здесь груз.

Один из них поднялся на сугроб, чтобы лучше рассмотреть ветви, другой обошёл дерево с другой стороны, третий посветил в глубину леса, будто надеясь увидеть хоть какой-то след. Но вокруг была только белизна, тишина и холод.

— Ничего нет, — проговорил наконец старший из них, опуская факел. — Ни следа, ни намёка. Либо он ошибся, либо...

Он не договорил, но остальные поняли: либо место было другим, либо всё это действительно был бред горячечного сознания.

Они постояли ещё немного, словно надеясь, что лес сам раскроет свою тайну, но он оставался безмолвным. Потом, тяжело вздохнув, повернулись и пошли обратно, к свету деревни, к теплу, к людям. Их шаги глухо звучали на заснеженной дороге, а тени от факелов метались по сугробам, будто пытаясь догнать что-то ускользающее.

Когда они вернулись и рассказали старосте, что ничего не нашли, в избе повисла тяжёлая тишина. Старики переглянулись, кто-то тихо перекрестился, кто-то покачал головой. Молодой господин по-прежнему метался в бреду, иногда выкрикивая обрывки фраз, и теперь эти слова звучали уже не как просьба о помощи, а как отголосок кошмара, который никто не мог ни подтвердить, ни опровергнуть.

А в это время, далеко отсюда, Аким шагал по лесу, прижимая к груди найденного младенца, и не знал ни о бреде израненного господина, ни о трёх смельчаках, которые искали в лесу то, чего уже там не было. Он просто шёл вперёд, шаг за шагом, упрямо пробиваясь сквозь сугробы, и слушал тихое, едва уловимое дыхание ребёнка — единственный звук, который сейчас имел для него значение.

Глава 3

Дверь избы распахнулась, и внутрь ворвался вихрь ледяного воздуха — вместе с Акимом в дом будто ворвалась сама зима. Он шагнул через порог, прижимая к груди свёрток, и тут же захлопнул дверь, отрезая от тепла белёсую мглу леса. В избе пахло печным жаром, сушёными травами и хлебом; пламя в печи трещало, бросая рыжие отсветы на бревенчатые стены, а над столом висел мягкий, золотистый свет лампадки.

Мария стояла у печи, помешивая что-то в чугушке, и обернулась на скрип двери. Лицо её на миг застыло, будто она не могла поверить глазам: муж вернулся, но не как обычно — не с пустыми руками и не с добычей, которую вешают на крюк, а с чем-то живым, дрожащим, спрятанным в меха.

— Аким... — прошептала она, и голос её дрогнул. — Что это?

Аким переступил с ноги на ногу, словно тяжесть находки была не только физической, и хрипло выдохнул:

— В лесу нашёл. Младенца. К дереву привязан был...

Он не успел договорить — Мария уже метнулась к нему, скидывая с плеч платок, протягивая руки.

— Неси сюда, к печи! Скорее!

Аким подошёл, осторожно передавая свёрток. Мария развернула мех, и на её лице мелькнуло то самое выражение, в котором смешались ужас, жалость и мгновенная, безусловная забота. Малышка была бледной, кожа казалась почти прозрачной от холода, губы чуть посинели, а пальцы, когда Мария коснулась их, были ледяными. Ребёнок слабо всхлипнул, будто даже плакать у него не осталось сил.

— Господи, помилуй... — тихо проговорила Мария, прижимая девочку к себе, словно хотела отдать ей всё своё тепло. — Да она же совсем замёрзла...

Размышлять и задавать вопросы было действительно некогда. Всё, что имело значение сейчас, — отогреть, вернуть этому крохотному существу жизнь. Мария быстро, но бережно уложила малышку на лавку, стянула с неё промокшие от снега тряпицы, укутала в свой тёплый платок и принялась греть ладонями её ступни и кисти, растирая осторожно, чтобы не повредить нежную кожу. Потом она поставила на печь большой чугунок с водой, накидала в него горячих углей из печи, чтобы вода скорее согрелась.

Пока вода грелась, Мария схватила чистую тряпицу, смочила её тёплой водой из ковша и принялась протирать личико малышки, смывая с него следы снега и холода. Девочка морщилась, вздыхала, но уже не дрожала так сильно. Когда вода нагрелась, Мария осторожно испула её в большой деревянной лохани, стараясь не напугать, шептала что-то тихое, ласковое, сама не замечая, какие слова слетают с её губ.

В хозяйстве у них была коза — небогатое, но надёжное богатство. Мария накупятила козьего молока, остудила его до тёплого состояния и, свернув чистую тряпицу в подобие соски, стала поить малышку. Та сначала слабо отталкивала импровизированную соску, будто не понимала, чего от неё хотят, но голод и тепло сделали своё дело: она притихла, ухватила крохотными пальчиками за ткань и начала жадно глотать. Мария смотрела на неё, и в её глазах стояли слёзы, но она не плакала — она работала, спасала, делала то, что должна была делать.

Тем временем Аким, чувствуя себя лишним в этой женской, спасительной суете, вышел в сарай. Там, среди мешков и упряжи, он нашёл большую плетёную корзину, в которой раньше носили сено и овощи. Корзина была крепкой, но грубой, с торчащими прутьями. Аким осмотрел её, хмыкнул и принялся вытаскивать самые острые выступы, чтобы ничего не поранило нежную кожу ребёнка. Потом он принёс корзину в избу.

— Вот, — сказал он, ставя её у печи. — Будет ей люлькой.

Мария кивнула, не отрываясь от малышки, и тут же принялась стелить дно и стенки корзины чистой тканью, которую хранила для особых случаев. Она положила туда старое, но мягкое одеяло, сверху накинула ещё одну тряпицу — и вот уже корзина превратилась в уютное, тёплое гнёздышко.

Когда малышка наелась, её снова укутали, уложили в эту импровизированную люльку, и она, наконец, затихла. Сначала её дыхание было прерывистым, будто она всё ещё боролась с холодом, но постепенно оно стало ровным и глубоким. Она уснула — сытая, тёплая, в безопасности.

Только теперь, когда все хлопоты были позади, когда в доме снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском дров в печи и ровным дыханием спящего ребёнка, Мария села напротив Акима, оперлась локтями о стол и посмотрела на мужа долгим, внимательным взглядом. В её глазах больше не было паники — только усталость и огромное, тихое чувство, которое ещё не имело имени.

— Теперь рассказывай, — тихо, но твёрдо сказала она. — Всё. С самого начала. Где ты её нашёл? Кто мог такое сделать?

Аким вздохнул, провёл ладонью по лицу, будто стирая с себя остатки лесного холода, и начал. Он рассказал про метель, про то, как уже собирался возвращаться ни с чем, про детский плач, который сначала принял за обман слуха, за проделки лешего. Рассказал, как шёл на звук, как увидел дерево, как развязывал задубевшие на морозе верёвки. Голос его звучал глухо, слова давались тяжело — не потому, что он не хотел говорить, а потому, что сам до конца не мог поверить в то, что случилось.

— К кедру она была привязана, — закончил он. — Высоко, будто хотели, чтобы её не сразу заметили... Или чтобы зверь не достал. Не знаю. Но оставили её там. На верную гибель.

Мария слушала, не перебивая, только пальцы её сжимались и разжимались, будто она пыталась удержать в себе гнев и жалость, которые поднимались в груди. Когда Аким замолчал, она посмотрела на корзину, на спящую девочку, и тихо проговорила:

— Значит, Господь так управил. Чтобы ты именно в тот час там оказался. Чтобы услышал.

Аким только молча кивнул. Он и сам думал об этом всю дорогу, пока нёс малышку через лес: о том, что если бы он повернул назад на пять минут раньше, если бы не прислушался, если бы решил, что ему померещилось... Но он не повернул. Он прислушался. И теперь эта девочка, чьё имя они ещё не знали, спала в их избе, в тепле и безопасности.

— У нас ведь детей не было, — тихо сказала Мария, и в её голосе не было горечи, только тихая, смиренная благодарность. — А теперь вот она. Пусть и не родная по крови, но теперь наша.

Аким посмотрел на жену, на её усталое, но спокойное лицо, и почувствовал, как в груди разливается тепло, не от печки, а от чего-то большего.

— Наша, — твёрдо повторил он. — И никто её больше не обидит.

Они посидели ещё немного в тишине, слушая, как потрескивают дрова и как ровно дышит во сне малышка. В эту ночь в их доме стало на одно сердце больше — маленькое, спасённое, и оттого бесконечно дорогое.

Глава 4

Ночь опустилась на деревню тихо, будто не хотела спугнуть хрупкое тепло, воцарившееся в избе Акима и Марии. Ульяна спала в своей корзине-люльке, теперь уже обставленной подомашнему: рядом лежала сшитая Марией тряпичная куколка, а сверху корзину прикрывали платком, чтобы сквозняк не тревожил малыша. Пламя лампадки отбрасывало на стены мягкие тени, а за окном ветер гудел в щелях, напоминая, что зима ещё крепко держит землю в своих объятиях.

Аким сидел на лавке, сжимая в руках шапку, которую так и не повесил на крюк. Мария устроилась напротив, поджав ноги, и смотрела не на мужа, а куда-то в угол, где на гвозде висела та самая меховая шуба — теперь чистая, высушенная, но от этого не менее чужая, не менее говорящая.

— Богатая вещь, — тихо проговорил Аким, будто боялся разбудить тишину, а вместе с ней и тревогу, которая только начала утихомириваться. — Слишком богатая для наших мест. Да и для любой деревни. Это не купеческая прихоть, Мария. Это барская вещь.

Мария кивнула, не поднимая глаз. Она уже давно поняла это, ещё когда снимала с Ульяны промокшие тряпицы. Тонкое полотно, шёлковая подкладка, мех, который даже после снега и холода оставался мягким, как облако. Всё это кричало о том, что девочка — не из простых.

— Если её бросили здесь, значит, кто-то очень хотел, чтобы её не нашли, — продолжила Мария его мысль, словно они думали одним умом. — Или чтобы нашли... но не сразу. Или чтобы зверь до неё добрался. Ох, Аким, сердце сжимается, как подумаю...

Аким сжал кулаки.

— А если её будут искать? — спросил он, и голос его прозвучал глухо, будто из глубины. — Если те, кто её оставил, поймут, что она жива? Придут сюда, начнут расспрашивать... А тут мы. Простая изба, простая семья. Да они в два счёта поймут, что это мы её взяли.

Мария вздрогнула, будто от резкого холода, и плотнее закуталась в платок.

— И что тогда? — прошептала она. — Заберут? Скажут, что мы украли?

— Скажут, что украли, — твёрдо повторил Аким. — Или хуже. Скажут, что сами построили, чтобы потом выкуп просить. А у нас и просить-то нечего. Да и не стали бы мы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.